

важные предложения во славу верховной власти и в ущерб партии. Тогда Обинье, заметив, что шесть человек, высказавшихся до него, значительно понизили тон, повысил голос больше, чем когда-либо. Прервав его речь, Лефрен-Канэ встал и воскликнул: «Разве так ведут себя на королевской службе?» Обинье возразил: «Кто вы такой, чтоб учить нас, что такое королевская служба? Мы несли ее до того, как вы стали пешком под стол ходить. Не надеетесь ли вы столкнуть служение королю со служением Богу? Научитесь же не перебивать речи и молчать, когда надо!» Они дошли до колкостей. Наконец Лефрен воскликнул: «Да где мы находимся?» Обинье ответил: «*Ubi mures ferrum rodunt*»⁹³. Это очень кстати подействовало на присутствующих: в то время разбирался вопрос о безопасности в крепостях.

Этот председатель, ни у кого не пользующийся уважением, выставил Обинье в плохом свете перед королем. Когда же герцог Буйонский хотел указать, что надо почитать председателя, столь высокопоставленное должностное лицо, Обинье возразил: «Да, должностное лицо, которое готовится отречься». Через три месяца Лефрен так и поступил. Кончилось тем, что во всех колкостях и резкостях на совещании обвинили Обинье; он был прозван «козлом отпущения»⁹⁴, потому что все срывали злобу на нем.

Король также гневался. Однако когда был поднят вопрос, где поместить пленного кардинала Бурбонского⁹⁵, которого Лига провозгласила королем и который чеканил во Франции монету под именем Карла X, его решили перевезти из Шинона, где он находился под надзором господина де Шавиньи, в Майезэ, где губернатором был Обинье. А когда господин дю Плесси-Морнэ сослался на крупные неприятности с Обинье и на постоянные ссоры его со своим государем, ему ответили, что понятное как следует слово Обинье является достаточным средством против всех этих зол.

Когда король-кардинал попал в плен к Обинье, герцогиня де Рец послала одного итальянского дворянина, взявшего пропуск в двух милях от Майезэ, со следующим письмом к губернатору:

«Кузен мой, прошу вас принять подателя сего и понять в хорошем смысле свидетельство совершенной дружбы и сердечной заботливости, которое мы, господин маршал и я, посылаем вам по поводу вашего возвышения и доброго здоровья наших кузенов, детей ваших. Покажите же, что вы чувствительны к оскорблениям, воспользовавшись случаем, благодаря которому я хочу доказать вам мою преданность» и т.д.

Итальянец изложил порученное ему дело, предлагая двести тысяч дукатов наличными или же округ Бель-Иль со ста пятьюдесятью тысячами экю, если Обинье закроет глаза, чтобы дать освободить пленника.